

выступал в свою пользу или в пользу других людей, то, что нуждалось в исправлении, он мог сам вмешаться и внести необходимые изменения.

Порой в летние дни я видел, как король отправляет правосудие своим подданным в общественных парках Парижа, одетый в простой шерстяной плащ, куртку без рукавов из грубой ткани; на плечах черный капюшон из тафты, а на голове – шляпа с белым павлиньим пером. Он расстилал ковер, чтобы все мы могли рассестись вокруг, а те, что пришли с каким-то делом, стояли за нами. Затем он выносил суждение по каждому делу, как он часто поступал – и я об этом рассказывал – в Венсенском лесу.

Я наблюдал за королем и в другом случае, когда все прелаты Франции хотели бы поговорить с ним, и он отправился в свой дворец, дабы выслушать все, что они собирались ему сказать. Среди них присутствовал епископ Гюи из Осера, сын Гийома де Мело, и он обратился к королю от имени всех прелатов. «Ваше величество, – сказал он, – здесь присутствует духовный владыка этого королевства, и он повелел мне сказать вам, что дело христианства, которое вы обязаны охранять и защищать, гибнет в ваших руках». При этих словах король перекрестился и сказал: «Прошу, скажите мне, как это может быть».

«Ваше величество, – сказал епископ, – сейчас отлучение от церкви воспринимается так легко, что никто не думает, что может умереть, не получив отпущения грехов, и не хочет обрести мир в лоне церкви. И посему Дух Святой требует от вас, ради любви к Богу и потому, что это ваша обязанность, приказать вашим начальникам полиции и судебным приставам искать тех, кто остается в отлучении от церкви год и день, и принуждать их под страхом лишения собственности получать отпущение грехов.

Король ответил, что он охотно отдавал бы такие приказы, если кто-то убедительно, без всяких сомнений докажет ему, что лицо совершило эти порочные деяния. Епископ сказал ему, что прелаты ни в коем случае не примут такое условие, поскольку оно ставит под сомнение их право выносить решения по этим делам. Король ответил, что не будет делать ничего иного, чем то, что он сказал, ибо это противоречит Божьим установлениям, праву и справедливости, если он станет заставлять человека искать отпущения грехов, когда клирики несправедливо поступили с ним.

«Как пример, – продолжил он, – я расскажу вам о деле графа де Бретань, который целых семь лет, отлученный от церкви, выдвигал обвинения против епископов своей провинции и добился, что в конце сам папа осудил его противников. И если бы в конце года я заставил бы графа молить об отпущении грехов, то согрешил бы и против Бога, и против этого человека». Так что прелаты отказались принимать такое положение дел, и я никогда больше не слышал, чтобы они выдвигали такие требования.

Чтобы установить мир с королем Англии, король Людовик отказался от подсказок своих советников, которые говорили ему: «Сдается нам, что вашему величеству не стоит отказываться от земель, которые вы передали королю Англии; он не имеет прав на них, потому что они были просто взяты у вашего отца». – «Видите ли, – сказал он, – наши жены сестры и, соответственно, наши дети – близкие родственники. Поэтому нам так важно, чтобы они жили в мире друг с другом. Кроме того, я обрету почет для себя, если заключу мир с королем Англии, потому что теперь он мой вассал, каковым не был раньше».

Любовь короля к честности и открытости видна из его поведения в деле некоего Рено де Трита. Тот представил королю грамоту, гласящую, что наследники покойной графини де Булонь даровали ему округ Даммарген в Гуле. Но печать на грамоте оказалась сломанной, так что от нее почти ничего не осталось, кроме половины ноги фигуры, представляющей короля, и подставки, на которой она покоилась. Король показал эту печать всем нам, членам его совета, и попросил нас помочь ему принять решение. Мы единодушно высказали мнение, что он не обязан принимать такую грамоту во внимание. Он попросил Жана Саразена, своего камергера, передать ему грамоту, о которой шла речь. Как только она оказалась в его руках, король сказал нам: «Господа мои, тут печать, которой я пользовался до того, как отправился за море, и, глядя на нее, могу уверенно сказать вам, что сломанная печать производит точно такое же впечатление, как и целая. Таким образом, по совести, я не могу отобрать эти земли». Король послал за Рене Тритским и сказал ему: «Я возвращаю вам эту землю».